

XXVIII Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 4-6 September 2018

Panel: "The Greater Middle East: Gordian Knot or the Field of Confrontation of the Superpowers?"

Александр Неклесса

КОРРОЗИЯ БУДУЩЕГО ¹

Участие России в сирийской сумятице: контекст, подтекст, логика

Человеческий космос сегодня наделен сюжетным разнообразием и обременен эклектикой персонажей. Текущая проблематика – скорее гордиев узел идеалов, интересов, взаимосвязей многоликих субъектов, проецирующих силу и волю в конъюнктурных сочетаниях, нежели арена конфронтации традиционных «великих держав».

Мы движемся к новой концепции мира. Анализ возникающих подвижных и многофакторных ситуаций все чаще нуждается в методологических изысках теории сложных систем, оперирующей такими понятиями, как самоорганизующаяся критичность, динамический хаос, странные аттракторы, и другими, как выразилась бы Алиса, «чудесатыми зябликами».

Стратегическое мастерство

Новые акторы продуцируют сложную среду. Современные или же, точнее, постсовременные операционные комплексы – это не институты и учреждения в привычном понимании, а капитализированные пространства действия, диверсифицированные по планете: сгустки и средоточия предметно-связных и универсально координируемых целей, акций и коммуникаций [Неклесса, 2018]. Меняются также модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и универсального, объем возможностей и сумма рисков, etc.

Комплексность и принципиальная неопределенность, мозаичность актуальных композиций предполагает апгрейд мастерства. Компетенция политической элиты –

¹ Расширенная версия выступления. © Александр Неклесса, 2018.

агентов и лидеров перемен в непростом мире, определяется классом задач, смысловым кадастром, эффективностью управления, горизонтом планирования. Подтверждается же она – значимостью результата. И деятельным опознанием генеральной перспективы. Проблема предела компетенций правящего слоя в различных политических системах решается по-разному: варьируется состав элиты, вливается свежая кровь, устраняются кастовые препоны, усложняя характер элитного представительства, меняя представления о реальности и реформируя коды действия. Либо принимаются меры по их упрощению.

Минимизация разнообразия уменьшает шансы на развитие. При подавлении разномыслия и личностной инициативы спектр возможностей сужается, качество решений снижается, дефекты накапливаются, контроль доминирует над управлением. Особо уязвимы в кризисных обстоятельствах ригидные организмы. В период неурядиц, когда растет градус противоречий, недостаток пластичности, полифонии, самоорганизации проявляется в дефиците альтернатив и снижении адаптивности, девальвации смыслов и какофонии интересов. Другими словами, отсутствие институализированной оппозиции с иными взглядами на мир, при перемене участи предопределяет нехватку оригинальных и отрефлексированных версий транзита. Вкупе с технологиями их реализации, подкрепленными кадровым ресурсом. Результат социальной депривации – эволюционный тупик: невнятность программ, деградация управления, архаизация сообществ. Процесс, заканчивающийся исчислением пустот и неконтролируемой хаотизацией.

Стратегическое мастерство само по себе является динамичной категорией. Принципы и цели не всегда согласуются с формами и методами их воплощения. Дорожная карта трансформации – непрерывный конфликт (плебисцит) приоритетов, координация опознаваемых ресурсов и допустимых потерь с действиями, критичными для достижения целей. Это искусство, способное воплощать идеи, предъявляя миру преображенную реальность.

Афразийская зона нестабильности

Практика – предметное поле социальных дисциплин, ристалище гражданских и военных искусств. Обобщенная, но упрощенная модель глобального ландшафта (хотя это не лучшая основа для анализа специфики зона) – два взаимопроникающих диахронных ареала Запада и Востока с собственным социокультурным разнообразием и специфическими особенностями управления.

Цивилизационные плиты разделены срединным (меридиально-экваториальным) Афразийским разломом, трещины которого пронизывают континентальную плоть от чересполосицы Африки до Кавказа и Днепра, от наркоземель Колумбии до «золотого треугольника» Юго-Восточной Азии, сгущаясь и сходясь в центральном регионе нестабильности – Большом Ближнем Востоке. Здесь находятся такие очаги управленческого коллапса, как Ливия и группа дестабилизированных африканских территорий, рядом – турбулентный район Газы, на юге Аравийского полуострова – расколотый войной Йемен, далее – калейдоскоп сирийской сумятицы, пассионарный инициатор «шиитского полумесяца» – предкризисный Иран, тревожно пульсирующие Ирак и Афганистан...

Случай Сирии ярче других ситуаций демонстрирует подвижность и пестроту драматичных коллизий в Афразийской зоне нестабильности [Коротаев..., 2014: 206-228]. Здесь образуется непростая для оперативного анализа сумма асимметрично взаимодействующих сил, объектов, целеполаганий, меняющаяся в зависимости от конкретных достижений, поражений и внешних обстоятельств.

Число активных акторов многополюсного конфликта при самом беглом подсчете превышает дюжину: режим Асада; разношерстная сирийская оппозиция; курды, стремящиеся, если не к полной независимости, то к самой широкой автономии; ливанская Хизбалла; уничтожаемый и вновь возрождающийся трансформер «Исламское государство» (запрещено в РФ. – Ред.); Иран, пытающийся обустроить шиитский пояс (не забывая и о хуситских районах Йемена); Израиль, беспокоящийся о северных границах; Турция, выстраивающая на сирийской земле собственную зону безопасности; США с многочисленной коалицией, включающей как европоцентричных партнеров (Францию, Великобританию, Австралию, Канаду и других), так и арабские государства (Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иорданию, Марокко etc). В этом причудливом смешении устремлений, интриг, интересов с некоторых пор обретается и Россия.

Действия Москвы, дважды или трижды объявлявшей о победе и выводе войск из Сирии, выглядят не вполне логичными, если не принимать в расчет обстоятельства, лежащие за пределами сирийского театра действий: текст и контекст устремлений, способ принятия решений, характер стратегем, ретроспективы и перспективы общей политики. Действительно, «арабская весна» пришла на сирийскую землю в марте 2011 года, достигнув пика в 2012-13 годы. Но тогда же – летом 2012 года, ликвидируется Аппарат Главного военного советника в Сирии – сложная и разветвленная российская военно-разведывательная структура, существовавшая здесь более полувека (со времен Суэцкого кризиса 1956 года), охватывая вниманием весь ближневосточный регион. А еще через три года происходит громкое возвращение России, утратившей за это время доступ к обширной оперативной информации, но тем не менее активно, самым непосредственным образом включившейся в заметно усложнившийся конфликт.

В чем же логика подобных зигзагообразных действий, и есть ли она?

Устремления и воплощения

Попробуем частично реконструировать контекст. В 2012 году в России началась очередная каденция Владимира Путина, определившего курс страны как восточную альтернативу и выдвинувшего амбициозную программу Евразийской интеграции.²

В русле данной попытки заполнить смысловой и стратегический вакуум предполагалось укрепление взаимодействия с азиатскими партнерами, развитие таких политических союзов, как ШОС, БРИКС, ОДКБ и им подобных с перспективой евразийской идеологической и геополитической интеграции. Главный же вектор продвижения виделся в трансформации Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в наделенный отчасти геостратегическими и политическими функциями Евразийский экономический союз (ЕАЭС), потенциально сопрягаемый с китайской

² «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [Путин, 2011].

инициативой «Один пояс и один путь», ШОС и АСЕАН.³ А в перспективе, возможно, с Всесторонним региональным экономическим партнерством (ВРЭП) в Азиатско-Тихоокеанском регионе и отдельными африканскими странами. Имея в виду созидание «в кругу расчисленном светил» полноценного Евразийского Союза с российской доминантой как некоего альтер-аналога Европейского Союза.

Геоэкономической основой, рычагом масштабной геополитической реконструкции (отчасти по образцу железнодорожно-транспортного мегапроекта Российской империи [Некlessа, 2014]) мыслилось созидание обширного нефтегазового комплекса, состоящего из 4-х сегментов: Запад-Север-Юг-Восток.⁴ Трансконтинентальная система включала бы (а) действующую западную (украинскую и белорусскую) составляющую; (б) дополняющий (и отчасти перекрывающий) ее возможности Северный поток; (в) проектируемый Южный поток и (г) закрепляющий универсализм системы восточный рукав – «Сила Сибири». А также – реализацию обширного плана развития Дальнего Востока (тоже с определенными параллелями из российской истории) как хаба взаимодействия с восточноазиатским сообществом. Старт процесса был символически обозначен во Владивостоке на саммите АТЭС (сентябрь 2012 г.) в виде моста, соединившего азиатский континент с островом Русский. В декабре того же года была достигнута договорённость о реорганизации ЕвРАЭС с передачей части функций транзитной Евразийской экономической комиссии.

На практике, однако, обнаружились изъяны как самой концепции, так и технологий ее реализации. Подвела склонность к эффектным клише и упрощенным решениям комплексных задач. Политические инициативы России, наподобие проекта Евразийского парламента, иных наднациональных органов или единой валюты, встречали между тем противодействие. Со стороны руководства Казахстана, Беларуси, Украины в той или иной форме прозвучали призывы не спешить с «политической составляющей» и сосредоточиться на решении сугубо экономических задач. (В мае 2014 года договор о создании ЕАЭС был подписан Беларусью и Казахстаном, затем другими участниками, с 1 января 2015 года Союз начал функционировать, однако уже без важнейшего потенциального члена – Украины.)

Не принесло ожидаемых дивидендов «подражание Столыпину» – программа заселения и развития Дальнего Востока, рискующего оказаться серьезным политическим и экономическим обременением, а заинтересованность Китая, Японии, Южной Кореи, Индии в стратегическом партнерстве и широком сотрудничестве с Россией оказалась ниже ожидаемой. Все это вместе взятое, наряду с возросшими внутренними проблемами, предопределило стратегический кризис, обозначившийся уже спустя год с начала президентства.

³ «Будущий Евразийский экономический союз, о котором мы заявляли, о котором мы много говорим последнее время, это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития...» [Путин, 2013].

⁴ Проект имел достаточно серьезное геоэкономическое обоснование: текущий и прогнозируемый рост потребления газа в мире и хорошие перспективы наращивания его экспорта Россией. Действительно, «Газпром» увеличил свою долю на европейском рынке с 23% в 2010 г. до 34,2% в 2017 г., поставив 193,9 млрд м³ газа, обеспечивая 34,2% потребностей данного рынка и демонстрируя годовой прирост экспорта на 8%.

Усилия на рубеже 2013/2014 гг. стимулировать соучастие Украины в созидании ЕАЭС, одновременно форсируя ее отказ от подписания соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, а также проблематичность протектората над УкрГТС привели к серьезному углублению кризиса, его второй фазе.

Столкновение с нелицеприятной реальностью обернулось замещением конструктивных подходов силовой деконструкцией обстоятельств.⁵ В действиях по радикальному изменению ситуации главной стратегической ошибкой (уже заметно иных пропорций) стало присоединение Крыма, отягощенное усилиями по реализации «проекта Новороссии». Нарушение контрактно-договорного *modus vivendi* межгосударственных отношений подрывало политико-правовую платформу современного миропорядка, что не могло не иметь серьезных международных последствий (ср. аннексию Кувейта Ираком). Не говоря о результирующем сдвиге стратегического баланса не в пользу России: мультиплицируемой сумме негативных следствий-взаимодействий не только политического и военного, но также юридического, экономического, финансового, имиджевого свойства.

Подвело и аналитическое обоснование геоэкономической стратегии: недооценка политических рисков и возможностей технического прогресса: развития нефтегазодобывающих и энергосберегающих технологий, систем производства, транспортировки, использования СПГ, потенциала сланцевой революции, ряда иных обстоятельств, результатом чего стало обострение борьбы за нефтяные и газовые рынки. Произошло падение цен на нефть, что сократило возможности рентно-ориентированной экономики России. Расходы же на вооруженные силы, внутренние войска, системы безопасности, госаппарат, трубопроводную сеть, демонстрационные и престижные проекты шли вверх. Ко всему прочему добавился груз санкций.

Все это плюс вынужденное сворачивание планов по строительству стратегически важного Южного потока, а также Ямал-Европа-2 (2014), необходимость компенсировать замысленный в новой ситуации бойкот украинской газотранспортной системы, параллельное продвижение альтернативного российским планам южного коридора ТАНАП, наряду с миражами газопроводных артерий Катара, Ирана, Израиля, предопределили в конечном счете вовлечение России в сирийскую авантюру.

Сирийский соблазн

Побудительных мотивов на самом деле оказалось больше. К тому же где-то с середины 2013 года стала заметно меняться ситуация в Сирии.

Летом Иран резко активизирует участие в сирийской сумятице, что поставило под сомнение забрезжившую было победу вооруженной оппозиции. Затем при участии России был урегулирован острый кризис, связанный с применением химического оружия в Восточной Гуте, причем Барак Обама отказался от выполнения соответствующих угроз [Goldberg, 2016] (что некоторым образом отозвалось и при планировании крымского сюжета). В следующем году, по мере нарастания проблем, связанных с «судорогой Крыма» и кризисом проекта «Новороссия», политическое руководство, несмотря на афганский опыт, стало задумываться об использовании потенциала сирийского конфликта для купирования возникших обременений.

⁵ 1 марта 2014 г. Совет Федерации дал согласие на «использование Вооруженных Сил РФ на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране».

Ситуация в Сирии тем временем продолжала усложняться. После «чуда Мосула» происходит трансформация ИГИЛ (июнь-июль 2014) – становление его как по-своему легального, хоть и нелегитимного «Исламского государства», обладающего территорией с подвижными границами, распространяя присутствие и на сирийские земли. Что в свою очередь привело к действиям США, направленным против ИГ как в Ираке, так и в Сирии при поддержке, сложившейся под их эгидой многонациональной евроарабской коалиции. Появился хороший повод для исполнения Россией задуманного – возможность включиться в сложную геостратегическую комбинаторику под лозунгом и с мандатом «борьбы с терроризмом». 30 сентября 2015 года Совет Федерации единогласно одобрил использование Вооруженных сил России за рубежом, при этом глава администрации президента РФ Сергей Иванов уточнил, что речь идет о Сирии.⁶

Но если к реализации сирийского сценария Москву в определенной мере и подтолкнуло эффективное на том этапе участие Ирана в военных действиях (укрепившее позиции Асада, заставив вооруженную оппозицию перейти к обороне)⁷ плюс ожидаемые дивиденды от «маленькой победоносной войны», то суть интриги все же заключалась в ином. Привлекала возможность исправить ситуацию с основным геоэкономическим активом – комплексной газотранспортной системой. Особенно в ее южном изводе.

Геоэкономика и стратегическое мастерство

Солдаты теперь не всегда носят форму, генералы же не всегда носили и прежде. Геополитика в России с некоторых пор подчиняет геоэкономике, и логика «гибридной» конфронтации с Киевом подводила к мысли об изоляции Украины от российского газового потока.⁸ К тому же полный отказ от использования УкрГТС мог негативно

⁶ «Иванов подчеркнул, что речь при этом идет исключительно об операции ВВС. «Использование Вооруженных сил на сухопутном театре военных действий исключено. И военной целью операции является исключительно воздушная поддержка сирийских правительственных сил в их противодействии ИГИЛ». 30.09.2015. Lenta.ru. <https://lenta.ru/news/2015/09/30/za/>.

⁷ «В первой половине 2015 г. состоялись переговоры на высоком уровне между Москвой и Тегераном, после чего были достигнуты политические договоренности. 24 июля генерал К. Сулеймани посетил Москву для разработки деталей плана и координации военных действий в Сирии. В середине сентября 2015 г. были сделаны новые размещения отрядов иранской революционной гвардии, прибывших в Тартус и Латакию на западе Сирии. Поскольку большая часть подразделений Сирийской Арабской Армии и национальных сил обороны была развернута на более взрывоопасных фронтах, российские морские пехотинцы и Корпус стражей исламской революции заняв позиции, установили военные контрольно-пропускные пункты в городах Слунфех (Восточная Латакия), Масаф (Восточный Тартус) и Рас-ал-Басит (прибрежный город Латакия). Следующее развертывание новых иранских сил в Сирии произошло в начале октября 2015 г.» [Хайруллин, 2018: 205-206].

⁸ «Министр энергетики РФ Александр Новак и глава "Газпрома" Алексей Миллер в ходе рабочей встречи с министром производственной реформы, окружающей среды и энергетики Греции Панайотисом Лафазанисом подтвердили позицию, что с 2019 года Россия прекратит транзит газа в Европу через территорию Украины, сообщил журналистам греческий министр. "Россия подтвердила, что после 2019 года прекращает поставки газа в Европу через Украину. После этого поставки газа будут идти через Северный и Южный коридоры. По Южному коридору (газопровод с рабочим названием "Турецкий поток") газ пойдет по маршруту Россия— Черное море— Турция— граница Греции. Это все служит интересам России. Мы готовы в этом участвовать». 31.03.2015. РИА Новости <https://ria.ru/economy/20150331/1055722864.html>, «После окончания транзитного контракта с Украиной ни продления, ни заключения нового не будет ни при каких условиях», - заявил зампред правления компании Александр Медведев. 09.07.2015. <https://tass.ru/ekonomika/2029526>.

повлиять и на внутриукраинский газооборот. Однако это был бы для Москвы весьма проблемный маневр с политической, технической и финансовой точек зрения.

Через украинскую систему сейчас прокачивается в год примерно 94 млрд м³ газа при технических возможностях заметно больше: 288 (вход), 178,5 (выход), 142,5 млрд м³ (ЕС). Две нити Северного потока проблему совокупного европейского трафика (194 млрд м³) полностью не решают. (проектная мощность - 55 млрд м³ в год, сейчас режим форсирован – 62 млрд м³). Реализация проекта Северный поток-2 – серьезный фактор в данной комбинации (проектная мощность 55 млрд м³) и Турецкого потока (31,5 млрд м³) может составить примерно 86 млрд м³. Однако даже с учетом существующих СП-1 и Ямал-Европа, следует учитывать планы «Газпрома» по увеличению объема поставок. Как и то, что не реализованные до конца проекты, отягощены внеэкономическими проблемами. Для России же критически важно время их ввода в эксплуатацию, так как решения по путям транспортировки необходимо принимать до истечения срока соглашения с Украиной о транзите, т.е. до конца 2019 года. Играет роль в данной ситуации также позиция западных стран. ⁹ В результате от идеи полного бойкота приходится отказываться, хотя дальнейшее сокращение объема, прокачиваемого через УкрГТС газа вполне вероятно. В настоящее время переговоры между Россией и Украиной по вопросу условий будущего транзита уже ведутся под председательством Европейской комиссии.¹⁰

Ситуация осложняется императивом обустройства южного газового коридора, связанного с иными российскими месторождениями, нежели источники сырья для северных артерий, а также с реэкспортом туркменского и казахского газа в Европу. К тому же реализация альтернативного российскому проекту – Трансанатолийского газопровода (ТАНАП), и перспектива последующего его соединения с Трансадриатическим газопроводом (ТАП), вкупе с перспективой транскаспийских газотранспортных путей, способных связать систему с Центральной Азией (в рамках трансконтинентальной системы Южного газового коридора), грозило если не исключить РФ из евразийского газооборота, то заметно сократить участие в нем.

Разрешение проблемы, казалось, было найдено в масштабном, четырехтрубном комплексе Турецкого потока вместо так и несостоявшегося Южного (в обоих случаях планировалось 63 млрд м³). Однако, чтобы избежать неприятностей, схожих с теми, которые имели место с Болгарией (и Евросоюзом в целом) при попытке реализации проекта Южного потока, требовалось обзавестись значимой позицией в региональной ситуации. Иначе говоря, нужно было обрести рычаг устойчивого влияния на Турцию.

Средством воздействия выделась контролируемая Россией зона на северо-западе Сирии непосредственно у турецкой границы (в ином районе, нежели северо-восточный ареал доминирования ИГ), актуализация традиционных связей и влияния России на

⁹ Владимир Путин о сохранении транзита российского газа через Украину: «Я знаю позицию по этому поводу федерального канцлера, которая постоянно эту тему поднимает. Хочу отметить, что главное, чтобы этот украинский транзит, традиционный для нас, соответствовал экономическим требованиям, был экономическим во всех смыслах этого слова». 18.08.2018. <https://tass.ru/ekonomika/5468916>.

¹⁰ «Мы начали диалог, прямые переговоры между Россией и Украиной о продолжении транзита после 2019 года... под председательством ЕК... Переговоры сейчас ведутся на уровне экспертов, они идут тяжело, но разумной и приемлемой альтернативы этому нет» (министр экономики и энергетики Германии Петер Альтмайер. Выступление на 11-ой Российско-германской сырьевой конференции в Потсдаме 08.11.2018). <http://allpravda.info/vevropu-bez-ukrainy-gazprom-gotovitsya-kkhudshemu-72665.html>.

курдское сообщество. А также обладание таким инструментом, как «аргумент беженцев». Авиационная же поддержка правительственных частей, проасадовских прокси, иранских и связанных с Ираном сухопутных сил – ливанской Хизбаллы, иракского шиитского ополчения, других иностранных прошиитских боевиков, позволила бы урегулировать значительную часть проблем, сопряженных с устойчивостью режима Башара Асада.

Общий же успех сирийской кампании был важен Москве для восстановления престижа, передачи карт и смягчения напряжений, переключив внимание с событий в Украине и неурядиц в России. А также для манифеста следующей каденции.

«Русская осень»

Действия в сложной геополитической, геоэкономической и геокультурной обстановке требовали навыков высокого стратегического и оперативного мастерства. Но мир замыслов существует автономно от искусства их воплощения: иметь не значит обладать. Результатом конструирования очередного прорыва стал назревающий третий кризис.

План создания плацдарма для давления на Турцию быстро потерпел фиаско. Анкара остро отреагировала на силовые действия у ее границ (ноябрь 2015), отношения между странами катастрофически ухудшились. Не слишком помогло в главном вопросе даже налаженное позже сотрудничество разведслужб при попытке государственного переворота в стране (июль 2016). Прокладка Турецкого потока несколько раз откладывалась, планы были сокращены (вместо 63 млрд м³ – 31,5, из которых только 15,8 уходит в Европу). Работы по двум из планировавшихся четырех нитей пришлось прекратить, а ставшие избыточными уже построенные сегменты законсервировать и утилизировать. Задавать тон в проекте, корректируя условия, стала именно Турция.

В результате очередная предвыборная кампания и каденция остались без озвученной и обсуждаемой программы, страна – без повестки и смыслового вектора, а государство – с расширяющейся финансовой дырой. Энтузиазм «весенних» настроений сменился осенней распутицей. Фокус внимания сместился в область оборонного сознания, профанированной апофатики, ресентимента и помрачения духа. Пришлось довольствоваться дивидендами от «ресурса смерти»: компенсаторными историями о Wunderwaffe и критичной венчурностью с перспективой «попадания в рай»...

Летом 2018 года началась эксплуатация первой версии альтернативного России «энергетического шелкового пути» – Трансанатолийского газопровода, поставляющего азербайджанский газ через Грузию в Турцию и к европейскому континенту сухопутным маршрутом, т.е. в отличие от Турецкого потока вне потенциально конфронтационной черноморско-азовской акватории. ТАНАП со временем может быть дополнен Трансадриатическим газопроводом (политически поддержанным этим летом администрацией США), продолжая маршрут через Грецию к Италии, другая его ветка пойдет в Болгарию. Форсируя решение вопросов военно-стратегического характера, Москве пришлось срочно завершать переговоры о конвенции по правовому статусу Каспия, блокируя вероятность военного присутствия в нем внешних сил, но открыв возможность прямой транспортировки газа из Центральной Азии в Европу, соглашаясь с геоэкономическим люфтом – уведомительным принципом прокладке трубопроводов (оговорив, правда, «совместное решение экологических вопросов»).

Недооцененным оказался характер и объем военно-технических, логистических, транспортных проблем, связанных с сирийской кампанией. Не удалось эффективно

использовать потенциал долговременных связей с курдами, перешедшими под покровительство США и вступивших в вынужденный диалог с Турцией. А военный союз с Ираном, в условиях его нарастающей изоляции, становится, фактически, стратегической ловушкой, в некотором смысле (но не в масштабах) схожей с мышеловкой-цугцвангом Крыма. Умножаются, приобретая специфический опыт и расплываясь по другим нестабильным территориям, частные военно-коммерческие предприятия, сопряженные с эскалацией напряжений, ресурсно-трофейной экономикой и чреватые отложенным эффектом бумеранга [Шабаев, 2018]. Интересы же России в афразийской зоне тем временем смещаются на Африканский континент [Meуег..., 2018].

В итоге объявленные «выполнение поставленных задач» и «полный вывод войск» по-прежнему далеки от завершения. Фиксирование международного (внешнего) консенсуса относительно процесса пасификации Сирии (Стамбульская декларация) и зон доминирования чреваты серьезными политическими, финансовыми и иными обременениями, а общий результат для РФ может стать схожим с эффектом «победоносного рейда на Приштину». Сирия оказывается фактически разделенной на «суннитский протекторат» Турции; неопределенную автономию курдов (в настоящий момент подконтрольных США) с примкнувшей частью вооруженной оппозиции; ареал Идлиба, вобравший как гражданских беженцев, так и джихадистское сообщество, эвакуированное с обширной территории, контролируемой ирано-асадовскими силами (но с перспективой выдавливания Ирана из Сирии объединенной коалицией при поддержке Израиля); плюс подвижное в размерах и географической локации «дикое поле» с ушедшим в *ингияз* (временное отступление) «Исламским государством».

Для России все это означает коррозию исторической перспективы, поиск очередного стратегического бенефиса и отягощенность проблемным разнообразием как во внешней, так и внутренней политике.

Александр Неклесса. Коррозия будущего. Участие России в сирийской сумятице: контекст, подтекст, логика (Афразийская зона нестабильности и проблемы стратегического планирования).

Неклесса Александр Иванович, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Эл. адрес: neklessa@intelros.ru

Аннотация. Проблема стратегического планирования рассматривается на примере российской политики в Сирии. Цивилизационные плиты Запада и Востока разделены срединным Афразийским разломом, трещины которого сходятся в центральном регионе нестабильности – Большом Ближнем Востоке. Сирийская сумятица демонстрирует разнообразие акторов, в числе которых – Россия. Действия Москвы выглядят не вполне логичными, если не принимать в расчет обстоятельства за пределами сирийского круга. В 2012 году в России началась очередная каденция Владимира Путина, выдвинувшего программу Евразийской интеграции. Предполагалось развитие ЕврАзЭС, имея целью выстраивание Евразийского Союза как альтер-аналога Европейского Союза. Геоэкономическим рычагом реконструкции мыслился нефтегазовый комплекс, который включал бы (а) западную (украинскую и белорусскую) составляющую; (б) дополняющий ее Северный поток; (в) проектируемый Южный поток и (г) восточный рукав – Сила Сибири. Вскоре, однако, обнаружили изъяны концепции и технологий реализации. Планируемый политический контур ЕАЭС не состоялся, контроль над УкрГТС стал маловероятен, а проект Южного потока пришлось свернуть. Разрешение части проблем, виделось в проекте Турецкого потока, но требовался рычаг влияния на Анкару. Таковым мог стать плацдарм на

сирийской территории. Успех был важен Москве также для восстановления престижа, сглаживания напряжений и манифеста следующей каденции. Анкара остро отреагировала на силовые действия у границ. План Турецкого потока был усечен, а летом 2018 г. заработал альтернативный России «энергетический шелковый путь» – ТИНАП. Москве пришлось завершить переговоры по Каспию, форсируя решение военно-стратегических задач, соглашаясь с принципом «уведомления» о прокладке трубопроводов. Недооцененным оказался объем военно-технических, логистических, транспортных проблем, связанных с сирийской кампанией. Не удалось использовать связи с курдами, перешедшими под покровительство США. Военный союз с Ираном при нарастающей изоляции последнего становится стратегической ловушкой, а фиксирование зон доминирования чревато политическими и финансовыми обременениями. Интересы России в афразийской зоне смещаются на Африканский континент. Для России это означает коррозию стратегической перспективы и отягощенность проблемным разнообразием как во внешней, так и внутренней политике.

Ключевые слова: Афразийская зона нестабильности, сирийский кризис, Россия, стратегическое планирование, геэкономика, газотранспортные системы.

Список литературы

- Коротаев А.В., Исаев Л.М. 2014. Формирование «афразийской» зоны нестабильности. – «Арабский кризис» и его международные последствия. – М.: ЛЕНАНД. https://inafran.ru/sites/default/files/news_file/arab-krizis.pdf. - С. 206-228.
- Некlessа А.И. 2018. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования*. №1. - С. 80-95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.
- Некlessа А.И. 2014. Преодоление Евразии (Геэкономический этюд). – *Полис. Политические исследования*. № 3. – С. 27-46. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.03>.
- Путин В.В. 2011. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. – *Известия*. 03.10.2011. <https://iz.ru/news/502761>
- Путин В.В. 2013. Выступление на юбилейном заседании «Многообразия России для современного мира» международного дискуссионного клуба «Валдай». – *Kremlin.ru*. <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.
- Хайруллин Т.Р. 2018. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе // *Диссертация на соискание степени кандидата политических наук*. – Институт Африки РАН. Москва (рукопись).
- Шабаев, Е. 2018. Жизнь человека ничего не стоит. - *Lenta.ru*. https://lenta.ru/articles/2018/11/22/ch_v_k/?utm_medium=social&utm_source=facebook&fbclid=IwAR3FtpZ1iwaBbvjwJh9MkkoSmDyDSzhWmEobORocVJmU5jKfJkmGf8-jp4U
- Goldberg, Jeffrey. 2016. The Obama Doctrine. – *The Atlantic*. 2016. April. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>.
- Meyer, Henry, Arkhipov, Ilya, Rahagalala, Aina. 2018. Putin's Notorious 'Chef' Is Now Meddling Across Africa. – *Bloomberg*. <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-11-20/putin-chef-yevgeny-prigozhin-is-now-meddling-in-africa>.

Alexander Neklessa. The Corruption of Future. Russian Involvement in Syrian Maze: context, subtext, logic (Afrasian Zone of Instability and Riddles of Strategy Planning).

Neklessa Alexander Ivanovich, Head of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, member of the Bureau of the Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the “North-South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies. Email: neklessa@intelros.ru

Abstract. The report evaluates Russian policy in Syria as a case of Moscow’s strategic planning. The actions of Moscow, repeatedly announcing its victory and withdrawal of troops, sometimes look not quite logical,

if not take into account circumstances outside Syrian circle. Vladimir Putin's new presidential term started in 2012 with a program of Eurasian integration. The development of EurAsEC had an ambitious goal of promotion the Eurasian Union as an alter-ego of the European Union. The main instrument and resource of the project was considered to be oil and gas complex, which included (a) Western (Ukrainian and Belarusian) component; (b) the Northern stream, supplementing it; (b) design of South Stream and (d) eastern part– Power of Siberia. However, the concept and technology of project's implementation failed to work in due course. The planned political aspect of the EAEU was blocked, control over UkrGTS became improbable, and the South Stream project abandoned. Resolution of at least part of the problems seemed to be the project of Turkish Stream, but it demanded a point of influence on Ankara. A controlled area on Syrian territory close to Turkish border could serve this aim. Success of intervention in Syria was also important to Moscow for restoration of prestige, smoothing of tensions and as the manifesto for next cadence. The script, however, suffered fiasco. Ankara reacted sharply to the forceful actions at its borders. The Turkish Stream planning had truncated, and the alternative non-Russian "energy Silk Way" – TANAP began to function. Moscow had to conclude negotiations on the Caspian Sea, forcing the decision of military-strategic tasks, but agreeing with the principle of "notification" about the laying of pipelines, The volume of military-technical, logistical, transport problems connected with the Syrian campaign was underestimated as well. Russia could not effectively exploit the potential of links with the Kurds who had moved to the patronage of the United States. The military alliance with Iran with the increasing isolation of the latter is becoming a strategic trap, and the fixation of consensus on the zones of domination is fraught with political and financial burdens. Russia's interests in the Afro-Asiatic zone meanwhile move to the African continent. All this means corrosion of Russian strategic perspective and burden of problem diversity in both foreign and domestic policy.

Keywords: Afroasian zone of instability, Syrian crises, Russia, strategical planning, geoeconomy, pipelines.

References

- Goldberg, Jeffry. 2016. The Obama Doctrine. – *The Atlantic*. 2016. April. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>.
- Hayrullin T.R. 2018. Islamistskie proekti kak instrument borbi za liderstvo v arabskom regione // *Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata politicheskikh nauk*. – Institute for African Studies RAS. Moscow (manuscript). (In Russ.).
- Korotaev A.V., Isaev L.M. 2014. Formirovaniye "afraziyskoy" zoni nestabilnosti. – *"Arabskiy krizis I ego mezhdunarodniye posledstviya*. – Moskva: LENAND. – P. 206-228. https://inafran.ru/sites/default/files/news_file/arab-krizis.pdf. (In Russ.).
- Meyer, Henry, Arkhipov, Ilya, Rahagalala, Aina. 2018. 'Putin's Notorious Chef' Is Now Meddling Across Africa. – *Bloomberg*. <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-11-20/putin-chef-yevgeny-prigozhin-is-now-meddling-in-africa>.
- Neklessa. A.I. 2018. Krizis istorii. Mir kak nezavershenniy proekt. *Polis. Politicheskie issledovanya*. № 1. – P. 80-95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>. (In Russ.).
- Neklessa. A.I. 2014. Preodolenie Evrazii (Goeconomicheskiiy etjud) – *Polis. Politicheskie issledovanya*. № 3. – P. 27-46. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.03> (In Russ.).
- Putin V.V. 2011. Noviy integratsionniy proekt dlya Evrazii – budusschee, kotoroye rozhdaetsya segodnya. – *Izvestiya*. 03.10.2011. <https://iz.ru/news/502761> (In Russ.).
- Putin V.V. 2013. Vistuplenie na yubileyenom zasedanii "Mnogoobrazie Rossii dlya sovremennogo mira" mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday". – *Kremlin.ru*. <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (In Russ.).
- Shabayev, E. 2018. Zhizn cheloveka nichego ne stoit. 2018. – *Lenta.ru*. https://lenta.ru/articles/2018/11/22/ch_v_k/?utm_medium=social&utm_source=facebook&fbclid=IwAR3FtpZ1iwaBbvjwJh9MkkoSmDyDSzhWmEobORocVJmU5jKfJkmGf8-jp4U (In Russ.).

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Группы «Север-Юг» (aka Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия).

Со-руководитель семинаров «Цивилизационные альтернативы мирового развития» и «Борьба за будущее. Цивилизационная конкуренция как фактор глобального переустройства» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН), междисциплинарного семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru

И 994. Приложение к специальному выпуску журнала «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Сентябрь 2018. Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303. Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,35. 26.11.2018.